

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОКТАБРЬ.

№ 10.

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
С. Малашкин.— Наследство, повесть	3
Елена Зарт.— Восточные рассказы	24
А. Грин.— Золотая цепь, роман	38
Бор. Пильняк.— Человеческий ветер, рассказ	59
Стихи: Вера Ильина, Владимир Луговский и О. Колычев.	67
Х. Раковский.— Восстание на броненосце „Потемкин“. Воспоминания	70
Ил. Вардин.— Грузинский меньшевизм до и после августовского восстания	86
А. В. Луначарский.— К 200-летию Всесоюзной Академии Наук	99
Проф. Р. Куллэ.— Роман в современной Франции	113
Проф. П. Ю. Шмидт.— Новейшие успехи русской биологии. По Советской земле.— Г. Гайдовский.— „Двери в Азию“.	123
Критика: Г. Якубовский.— Сейфуллина и ее критики	132
Отзывы о книгах	140
	148

ИЗДАНИЕ „ИЗВЕСТИЙ ЦИК СССР и ВЦИК“

МОСКВА — 1925

По Советской земле.

Двери в Азию.

Г. Гайдовский.

...Бесконечная степь. Унылые верблюды, редкие фигуры киргизов и горячий ветер, несущийся из Голодной степи. Этот ветер накаляет вагон, охватывает железными обручами голову, сушит горло, нагревает воду в чайниках, предусмотрительно наполненных на станции.

Здесь в нескольких десятках верст от Ташкента, чувствуется юг. Здесь не просто жарко, здесь невыносимо, как в горячем отделении бани после нескольких шаек воды, опрокинутых на раскаленные камни.

Эти несколько часов подготавливают к самому худшему и тем большей неожиданностью является чистый, свежий воздух Ташкента.

Несколько верст садов и виноградников заканчиваются приземистым, шумным и грязным Ташкентским вокзалом.

Шум, гам, толкотня и беготня.

Того и гляди, вынырнут откуда-нибудь люди с мешками на плечах, худые, оборванные и голодные. Начнут менять старые брюки и юбки на хлеб...

Нет! Старое не вернется!

Об этом «старом» киргизы вспоминают с ужасом.

У них даже ругательство есть:

— Самара!

Из Самары валила бесшабашная волна мешочников, грабила, обманывала, ломала, насиловала, гадила, и Самара осталась в обиходе киргизов бранным словом.

Да, старое не вернется; однако, Ташкентский вокзал грязен и безалаберен до-нельзя.

Кому-то страшно мешали идиотские надписи на товарных вагонах: «40 людей, 8 лошадей», но никто до сих пор не приметя за вокзалы. Здесь все так же таборами лежат крестьяне-переселенцы, ползают между ногами пассажиров ребята, гадят на полу. Это называется—«ждут поезда».

Чье дело упорядочить станционную жизнь—неизвестно, но если вам придет в голову бросить на загаженный пол окурки—вас оштрафуют.

Так делают в Москве и, черт побери, чем хуже Ташкент Москвы? Недаром же в Ташкенте милиционеры точно в такой же форме, как в столице.

Москва равняется на Берлины и Лондоны, провинция тянется за Москвой.

Извозчик—молоденький парнишка—блуждал по всему городу в поисках гостиницы.

Сначала мы с ужасом заметили, что в Ташкенте все улицы являются точной копией одна другой, потом убедиться, что извозчик не знает, куда ехать.

Он долго не сдавался:

— Сейчас вот заверну за угол, тут она и будет!

Ездили мы так около часу, пока один из нас не пошел пешком, спрашивая прохожих.

Принято считать, что уж кто-кто, а извозчик знает свой город. Я знал извозчиков, которые разбирались даже в лабиринтах Арбата и Пречистенки. Однако, Ташкент—исключение. Здесь никто ничего не знает.

Все перепуталось.

Приезжие, пользуясь планом Ташкента, называют улицы их новыми названиями, коренные жители, по врожденному консерватизму, не хотят отказаться от «Соборных» и «Романовских» улиц.

Получается полная ералаш.

К этому надо прибавить, что площадь, занимаемая Ташкентом (старым и новым), равняется площади Ленинграда и Москвы, взятых вместе.

Ташкент—первый город, который вы встретите по пути в Туркестан.

Ташкент—двери Азии.

Раньше Ташкент был столицей Туркестана.

Сейчас, после национального размежевания, он является областным центром Узбекской республики, а столица перенесена в Самарканд.

Узбекская республика занимает площадь 440.000 кв. верст, с населением около 4 миллионов человек. Треть населения составляют узбеки.

Огромное большинство населения—сельское, только 600.000 чел. городского населения.

Узбеки, главным образом, занимаются земледелием, затем идет скотоводство.

По данным 1923—1924 г. сельское хозяйство Узбекистана дало 253 миллиона руб. дохода. Из этой суммы 192 миллиона падает на земледелие и 61 миллион на скотоводство.

Мелкое дехканское хозяйство является основным типом хозяйства Узбекистана. На душу населения здесь приходится всего в среднем 2,1 десятин земли и 5,2 голов скота.

Способы обработки земли первобытные.

Все сельскохозяйственные орудия заменяет своеобразная лопата (кетмень), напоминающая нашу сапу или мотыгу, в которой металлическая часть, кстати сказать, весящая до 7 фунтов, надевается перпендикулярно палке. Таким образом, узбек не копает, а рубит землю.

М. И. Калинин во время поездки по Узбекистану посмотрел на узбеков, долбящих землю, и его мужицкое сердце не выдержало:

— Плужок бы сюда рязанский,—сказал он,—вот бы дело пошло!

Но узбеки продолжают ковырять землю допотопными кетменями. Впрочем, кое-где уже появились «Фордзоны».

Узбеки на них сначала смотрят с недоверием, а потом (люди они практичные) начинают считать, сколько надо собрать со двора денег, чтобы выписать трактор.

Узбеки часто раздражают своей непонятливостью, но это потому, что мы их не понимаем, вернее не хотим понять. Они прекрасно поняли, что такое трактор и какую пользу он принесет для их, еще доморощенного, хозяйства.

Ташкент—своеобразный город.

Он имеет недурной трамвай, электричество, водопровод, прекрасные типографии, оборудованные ротационными машинами и линотипамии. В Ташкенте одна из лучших газет СССР «Правда Востока». Здесь—театры, цирк, кино, одним словом—Европа.

Но Ташкент, конечно,—Азия.

От него нельзя отнять всю пестроту, всю шумливость Азии.

Караваны верблюдов, узбеки, бродящие по улицам, чайханы, в которых узбеки с утра до вечера тянут из плоских чашечек пиял-кокчай (зеленый чай)—все это Азия.

Слегка горьковатый кокчай прекрасно утоляет жажду.

Наливают его на самое доннышко—удобнее держать пиялу, она не так нагревается.

Чем меньше наливают вам чаю, тем большим уважением вы пользуетесь.

По отношению к европейцам—все очень гостеприимны.

В одной ташкентской чайхане мы хотели попробовать местный хлеб в виде лепешек (ноны).

Узбек, подававший нам чай, долго не понимал в чем дело, потом просиял и бросился из чайханы.

Через 10 минут он нам принес... ватрушку—специально бежал в кондитерскую.

В Ташкенте широкие мощеные улицы, вдоль тротуаров текут оросительные ручейки—арыки.

Благодаря арыкам—прохлада и сырость.

Днем, когда солнце печет немилосердно, арыки кое-где пересыхают. Вода становится мутной, но эту воду пьют.

Без воды трудно.

По всему Ташкенту бегают ребята и продают «холодную воду» сомнительной свежести и чистоты.

Впрочем, публика охотно пьет.

Ташкент ничего не имеет своего.

Лучшие магазины—отделения московских трестов, лучшие товары—московские, вино—московское, даже шелк—с пломбой шелкотреста.

Единственное, что запомнилось в Ташкенте—квас.

Чудный квас, продаваемый на каждом перекрестке.

И дешево, и сердито.

В Ташкенте есть красивые, двухэтажные здания, но преобладают здесь одноэтажные домики. Иначе нельзя—частые землетрясения.

Днем Ташкент напоминает сонное царство. Жарко. Дворники поливают улицы, черпая воду просто из арыков. В учреждениях люди варятся в собственном соку, на улицах только узбеки. Их прожженная насквозь кожа не боится солнечных лучей.

Они сидят на плоских помостах, покрытых коврами, и пьют чай.

В Ташкенте, как и во всяком городе, есть свои достопримечательности.

Здесь есть и домик Черняева, завоевателя Ташкента, и братская могила солдат, убитых при штурме Ташкента, и дворец б. великого князя Николая Константиновича, где сейчас находится Художественный Музей.

Интересна судьба «великого князя».

После Октября ему предложили «убираться вон».

Николай Константинович отказался наотрез.

— Вы, революционеры, а я тоже революционер. Меня царь сослал сюда в Ташкент. Куда я теперь поеду? За границу? Но ведь там все, кто меня ненавидит, а разве мало я здесь сделал?

Действительно, на свой счет Николай Константинович оросил 60.000 десятин Голодной степи.

Его оставили в покое до самой смерти. После смерти жена его оставалась хранительницей музея, но... «что может быть хорошего из Назарета?»

Княгиня скрыла ряд ценных вещей, в том числе известную картину «Купальщица».

Кончилось тем, что княгиню убрали.

На Джизакской улице—двухэтажный дом.

Это штаб Туркестанского фронта.

В Туркестане существует последний в СССР фронт против басмачей.

В качестве корреспондента военной газеты, я был в сердце штаба—в оперативном отделе.

Стены увешаны картами и диаграммами.

За столом военный, т. Ипполитов—упрямое, энергичное лицо—такими рисовали английских моряков. *2 ордена Красного Знамени—бухарский и хорезмский. Он уже пять лет бьется с басмачами.

Сам журналист, т. Ипполитов дает интервью удивительно сжато и ярко.

В Хорезме и Фергане басмачество ликвидировано, в Бухаре ставленник эмира бухарского курбаши (предводитель) Ибрагим Бек, накануне полного разгрома. Здесь шайки басмачей, достигавшие в 1922 г. 20.000 человек, почти ликвидированы.

Одна из причин разложения басмачей—перемена настроения у населения. Сейчас местное население всячески поддерживает советскую власть.

Тов. Ипполитов роется в груде телеграмм и потом быстро читает:

—Объединенная шайка под командой Муллы Ишанкула, численностью в 100 джигитов, в урочище Мин-Чукур пыталась захватить табуны одного из кунградских родов, где была обнаружена мусульманским отрядом в 40 человек. Этот отряд вступил в бой, продолжавшийся 4 часа, после чего на помощь мусотряду присоединилось все население урочища, вооруженное палками, мужчины и женщины. Банда, оставив 10 человек убитыми, вынуждена была отступить.

И так—езде.

Последний фронт накануне ликвидации.

В 35 верстах от Ташкента—лагери.

Машина, поднимая клубы пыли, быстро идет по укатанному шоссе. Ребята-узбеки в попутных кишлаках выбегают на улицу, женщины пугливо кутаются в паранджу—халат без рукавов, надеваемый прямо на голову.

В лагере—необыкновенное зрелище; весь лагерь в трусиках.

На занятиях—в форме, а после занятий—в трусиках.

Если бы не часовые у знамен, то не поверил бы, что это военный лагерь. Курорт какой-то.

Здесь ребята и с Волги, и из Сибири, и из Украины.

Балалайка, гармошка.

Театр, состоящий из нескольких площадок, от которого не отказался бы и Мейерхольд.

Ребята в лагерях загорели, окрепли.

У них и песни свои, фронтовые.

Здесь, против басмачей бились буденновцы и они поют:

Бухреспублику задумал
Эмир снова захватить,
Но буденновцы удалые
Пришли ее освободить.

Басмачи, как ни старайтесь,
Ничего вам здесь не ваять,
Уходите, пока целы,—
Или всыпем вам опять.

Нет, не верится, что это военный лагерь.

В быстром, горном арыке Зах болтаются десятки загорелых тел, а ведь совсем недавно они пришли с фронта, где приходилось совершать переходы под палящим солнцем, переходить через снежные перевалы.

Ничего.

Уходите, пока целы—
Или всыпем вам опять!..

Рядом с лагерем село Троицкое.

Каменная церковь, крепко сколоченные дома, коровы, собственные выезды.

Был праздник. Весело перезванивались колокола. По дороге ходили мужики в сапогах бутылками, в жилетах поверх ситцевых косороток.

Девушки в кисейных «городских» платьях.

Рассейская «талянка».

Мужики здесь богатые—земля два урожая в лето дает, горевать нечего. А жара? К жаре привыкли!

В селе—кооператив, школа, библиотека.

— Знай наших!

А на мосту через арык стоит узбек с сеткой, привязанной к длинному шесту.

— Что он делает?

— Дрова ловит. Арык из гор несет, а он ловит.

Узбек стоял с утра до вечера и ловил дрова. К вечеру он наловил порядочную кучу. Над ним посмеивались, но он молчал. И трудно было представить, о чем он думает, спокойный, сосредоточенный, невозмутимый...

...Трамвай долго юлит в узбекских улличках и, наконец, останавливается.

Старый город.

Как не похож он на новый!

Там—широкие улицы, здесь—с трудом проезжаются две арбы, там—зелень, здесь—и кустика, там—большие дома, здесь—глинобитные домики с плоскими крышами.

Гортанные крики узбеков, продающих холодную, пьянящую бузу или свежие гоны (хлебные лепешки), крики ишаков, жужанье лошадей.

Да, здесь Азия. Ни электрические фонари, ни милиционеры в столичной форме,—ничто ни отнимет у старого Ташкента его восточную девственность.

Да, это Восток!

Здесь все голубое или желтое.

Голубое небо, голубые халаты у узбеков, голубые паганджи у жезшинов, голубая облицовка мечетей.

Желтые стены домов, желтая, пыльная дорога.

Старый город живет своей замкнутой жизнью.

Женщины до сих пор закрывают лицо плотной сеткой из конского волоса (чачван), и их укутанные с головы до ног фигуры странно напоминают членов амебейканского Ку-Клукс-Клана или египетские мумии.

Днем старый город бурлит.

В каждом доме—лавочка, через дох—чайхага: пьют чай, курят чилим (узбекский кальян), слушают музыку—бегичалье на дутаре (особый род балалайки).

В парикмахерских узбеки бреют головы. При этой процедуре мыло не употребляется, а голову долго массируют, так что она теряет всякую чувствительность, впрочем европейца намыливают.

У стен приютились торговцы в разнос. Чего-чего только здесь нет!

Нас привлекли маленькие белые шарики.

— Что это?—спросил мой товарищ у торговца.

— Молоко.

Мы решили, что это сгущенное молоко.

— Куда его кладут? В воду?

— Нет, в рот.

Ответ был поистине изумителен по своей простоте.

Шарики оказались овечьими сырками и их, конечно, следовало класть в рот. Кстати сказать, сырки очень острые и невкусные.

Вся жизнь узбека строго регламентирована.

Еще до сих пор религия для большинства из них—это все.

Женщина по их понятиям не человек, но когда в семье рождается девочка, все довольны. За нее дадут в свое время калым (выкуп). Хорошая жена стоит 50 верблюдов.

Бедняк может купить себе жену «на выплату», как когда-то продавались швейные машинки Зингера.

До того момента, как он выплатит весь калым, жена остается у родных.

На улице женщина идет на пять шагов позади мужа.

В мужские комнаты она показаться не может даже в парандже и чачване.

Если муж скажет три раза «развожусь»—этого достаточно, он разведен.

Сильно распространено многоженство. Затворничество женщин ведет к лесбийской любви, мужчины занимаются педерастией и часто, наряду с женами, содержат мальчиков-бачей.

Баччи—препротивные создания, накрашенные, нарумяненные, танцуют на праздниках и поют неприличные песни.

Туземная писательница Лола-Хан Арсланова-Сайфуллина (автор книги «Ичкары») водила нас по старому городу.

У ее родных нас кормили пловом.

Нам подали деревянные ложки, но обычно едят руками.

Если узбек захочет вам выказать особое расположение, он своей рукой сует вам в рот горсть рису.

Это высший знак уважения.

Старый город полон чарующей своеобразной прелести.

Жуткие фигуры узбеков, быстро перебегающих дорогу, караваны верблюдов, арб,—все это особенное, свое, самобытное, и как-то грустно становится, что культура сметет этот особенный быт, но должна снести.

За глиняными стенами в ичкары (женская половина), куда не может проникнуть европеец, до сих пор царят ужас и произвол.

Во время нашего пребывания в Ташкенте один узбек в присутствии всех родных избил свою дочь до полусмерти только за то, что она хотела поступить в школу.

За глиняными стенами царит до сих пор средневековая темнота, и надо много такта и умения делегаткам женотдела, чтобы пробить окно в это темное царство.

Лола-Хан Арсланова очень ярко и образно (в ее творчестве есть что-то родственное Робиндранат Тагору) описала жизнь ичкары.

Ей нельзя было показаться в старом городе.

По мнению узбеков, она выносила «сор из избы».

Сейчас тов. Арсланова пишет роман из жизни узбеков.

Шумный, пыльный, яркий старый город быстро затихает.

Чуть только наступила темнота, запираются узбеки в своих домиках и ложатся спать.

Вечером здесь тишина.

Воркуют голуби, изредка прокричит ипак или заржет лошадь. Зато там, в новом городе, только начинается жизнь...

...Вечером, когда солнце зашло, живительная прохлада выгоняет на улицы все население Ташкента.

Вышли и мы.

По центральным улицам шли густые толпы гуляющих, мимо пролетели своеобразные ташкентские трамваи, выкрашенные в белую краску. Светились витрины магазинов. На все лады пели мальчишки:

— «Правда Востока»—газета!

— Холодная вода!

— Ирисы по копейке!

Они не кричат, они непременно поют, и в этом—своеобразная восточная прелесть.

Главное движение на проспекте Карла Маркса.

Бедный Маркс, если бы он увидел ту обывательскую, мещанскую публику, которая наполняла тротуары, он тяжело бы вздохнул.

Когда-то эта улица была просто Соборной, и такой она осталась.

О. Генри в одном из рассказов сказал: «быстрая езда есть поэзия и великое искусство, а луна—сухое скучное существо, движущееся и существующее по рутине».

Лунная ночь сама по себе пошла, но нигде она не опошляет так, как в Ташкенте.

Где-то творили революцию, где-то рабочие с винтовкой в руке добивались свободы, где-то строят новую жизнь, а здесь?..

Кисейные девицы, утопающие в море воланов и рюшей, да какие-то «галантерейные» молодые люди. Они гладко выбриты, складка у брюк крепко заглажена (для этого брюки на ночь кладутся под тюфяк), в петличках—розы.

Розы везде.

У девиц в волосах, у молодых людей в петличках, даже у ипаклов в сбруе.

На проспекте Карла Маркса узбеки торгуют розами.

Тысячи роз.

— Три копейки пара!

— Две копейки!!

— Бери за копейку!!!

Воздух напоен запахом роз.

А мимо непрерывной лентой движутся ташкентские обыватели, выпешшие погулять.

Я прислушался к разговорам, и у меня волосы дыбом встали, когда я услышал:

— Вы прекрасны, точно роза, только разница одна: роза вянет от мороза, ваша прелесть—никогда!

И сказано это было очень серьезно.

Изредка среди флиртующей молодежи появится нечто анахроническое в царской офицерской фуражке и серой накидке. Это «завоеватель» времен царя Гороха.

На улице Маркса есть магазин старинных вещей.

Здесь можно найти старые севрские сервизы, коллекции пашек, инкрустированные дуэльные пистолеты, брюссельские кружева, картины известных художников, прекрасные гобелены. Это «завоеватели» приканчивают свои «трофеи».

В столовой «Нарпита» обед подавали нам на посуде, украшенной замысловатыми княжескими гербами.

Что поражает в Ташкенте ночью,—это обилие ресторанов и кафе! Днем их не видно, но ночью через каждый дом освещенные вывески.

В громадном сквере со всех сторон несется музыка, переплетаясь со звоном посуды.

Тысячи электрических лампочек.

Полная иллюзия, что вы на какой-нибудь ярмарке или выставке. Кино переполнены.

Публика неприветливая.

«Маркитантка Сигаретт»? Дашь «Маркитантку»!

«Приключения американки» в трех сериях? Дашь «Приключения»!

Узбеки обожают кинематограф и, главным образом, картины приключенческие. Они, открыв рты, с восхищением смотрят на прыжки с 10-го этажа и вместе с героями переживают все их радости и невзгоды.

— Якши! Джуда якши (хорошо, очень хорошо)!—часто услышите вы громкий возглас во время сеанса.

Узбеки почти не принимают участия в горячем весельи, охватывающем Ташкент ночью, но каждый вечер тянутся они из извилистых лабиринтов старого города в новый к ярким огням, к шуму, к музыке. Молчаливые, бесстрастные, они ходят по аллеям сквера, смотрят на новую, иную жизнь, так непохожую на жизнь их тесных пыльных улочек.

До революции узбек не смел ходить по тротуару.

Он обязан был уступать дорогу всем людям, носившим кокарду («казенный человек»). Приготовишка-гимназист носил кокарду, и старые узбеки обязаны были уступать ему дорогу.

Сейчас узбеки—хозяева Ташкента, но, как часто бывает с людьми, которых все время унижали—они сейчас болезненно самолюбивы и во всем видят оскорбление.

Серьезный скандал вышел в одном ресторане.

Кто-то сказал:

— Здесь много ишаков.

Присутствующие узбеки приняли на свой счет—ишаками называли их при царе.

Уже совсем под утро мы по Самаркандской улице вышли к окраине города и увидели бруствер старинной крепости.

Черным силуэтом вырисовываясь на заалевшем небе, ходил по крепостному валу часовой в остроконечном шлеме.

Только здесь вспоминаешь, что в Бухаре до сих пор кигит басмачество, что до сих пор красные части грудью отстаивают право узбеков на спокойную жизнь.

ГЕОРГИЙ ГАЙДОВСКИЙ.

Н О В Ы Й

М И Р

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

И

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Ж У Р Н А Л

К Н И Г А

Д Е В Я Т А Я

С Е Н Т Я Б Р Ъ

М О С К В А

4 . 9 . 3 . 1

к закату. Солнце запуталось в густых деревьях. Кукушка кому-то отсчитывает годы, отсчитывает, не скупясь. Стучит дятел. Муравьи безостановочно ползут струями, кажется, на их блестящих спинках влажнеет пот усталы.

Возвращаюсь из «Верного пути».

Рядом со мной женщина из соседнего сельсовета—единоличница.

— Какие теперь единоличники,—говорит она, хоть вопроса—почему она не

в колхозе? — я не задал. — Вчерашний единоличник—утренний колхозник.

Жара. Лень. Моя спутница разговорчива. Она сама задает вопросы, сама отвечает:

— Мы в лаптях ходим. Ступил — и сорок пряников. Вот сапоги справим, тогда—в колхоз.

Пауза.

— А то скажут — голые приходим. Непорядок.

3. ДЖИЗАКСКИЙ РЕЙД

Очерк

Георгий Гайдовский

1

...Сквозь высокие и узкие окна — такие окна бывают в костелах—едва пробивается утренний, жидкий, как спитой чай, свет.

Стараясь не разбудить нас, Абдушкур проходит через комнату, открывает окно; запах цветущей акации наполняет комнату, прохладный ветер шевелит занавески. У стены, похрапывая, спят ферганцы, приехавшие погостить к земляку Ахунбабаеву. Я вижу ситцевые розовые штаны и голую пятку, высунившуюся из-под ватного, мягкого одеяла. Где-то завизжал ребенок, наверное сын Абдушкура. Едва слышно донесся протяжный, надрывный вопль ишака.

Я поспешно встаю.

Акация хранит накопленный за ночь запах. Вода в арыке холодна, и прозрачна. Струя бежит на мои руки из тонкогорлого кувшина, перетянутого, разукрашенного, как экзотическая танцовщица.

На половине Ахунбабаева тоже движение. Он выходит, высокий, крупный, крепкий. Неизменная синяя толстовка. Сапоги. Черная с белым шитьем ферганская тибетейка. Его серый макинтош перекинут через спинку садовой скамейки, придвинутой к столу. Сквозь зелень палисадника и частый переплет ограды видны мерно шагающие верблюды. Проехал, вздымая облака пыли, шустрый, разухабистый извозчик.

У Ахунбабаева умные, пронзительные глаза. После поездки в Челек лицо

его стало темнокоричневым. Когда он сдвигает тибетейку на затылок, отчетливо видна полоска, разделяющая загоревшую часть лба от светлой. Рядом с серым макинтошем лежит киргизский малахай из верблюжьей шерсти, предохраняющий от пыли и жары.

С нами член коллегии наркомзема УзССР тов. Мурзаев. Это ферганский батрак из Ассакинского района, выдвинутый сейчас на столь высокий и ответственный пост. Он положительно красив. У него тонкие, правильные черты лица. Лимонную матовость кожи хорошо оттеняет синевато-черная борода, не скрывающая резко очерченный рот с белыми, чистыми зубами.

К воротам подъезжает четырехместный фورد. Шофер Петров вперевалку подходит к нам. Мы вчетвером должны отправиться в Джизак: председатель ЦИК УзССР Ахунбабаев, член коллегии Наркомзема УзССР Мурзаев, шофер Петров и я, писатель, работающий вот уже почти два месяца в колхозе неподалеку от Самарканда. Я не совсем ясно представляю себе, что делается в Джизаке. Накануне Ахунбабаев предложил мне принять участие в поездке... После упорной, трудной работы в колхозе хорошо двинуться в те заманчивые дали, где в туманах скрываются снежные вершины гор.

2

Самарканд только еще просыпается.

Наш фورد быстро минует пышные мечети Регистана, Биби-Ханым, Шах-и-

Зинду. Встречные мальчишки в одних рубашонках орут, показывая нам свои голые, раздутые животы. Нагруженные дровами и хворостом ишаки бредут, с трудом переставляя рахитичные ноги, внимательно разглядывая подобно близоруким старухам, дорогу. Верблюды ступают тяжело, уверенно, с гордостью неся свою змеиную голову. Верблюжьи караваны нанизываются, как замысловатые восточные ожерелья. Кое-где открылись лавчонки, мастерские. У остановки автобуса собралась группа узбеков в запыленных сапогах, цветных чалмах и яркокоричневых халатах.

Мы минуем возникающую пестроту и сумятицу старого Самарканда, минуем величественное великолепие его развалин, у подножия которых ютятся не деревни, не муллы и не обалделые ученики мрачных медресе, а пятиминутные фотографы, готовые снять вас на фоне замечательных замков или плывущих пароходов...

Кое-кто узнает Ахунбабаева, — руки прижимаются к сердцу, нас провожают сладкие селямы...

Мы едем в тенистой роще. Далеко внизу вьется Сиаб, мутный, многоводный, несущий удобрения на дехканские поля. Встречные всадники торопятся свернуть в сторону, лошади, не желающие привыкать к виду автомобиля, гарцуют, пытаются сбросить всадника, устремляются по круче вниз, останавливаются и дрожат той мелкой дрожью, когда каждый мускул, каждая жилка трепещут в страшном напряжении. Темный пот покрывает глянцевитую кожу.

Солнце греет ярче, и любо подставить лицо ветру и солнцу. Ахунбабаев нагнулся ниже на глаза свой малахай. Он, кажется, дремлет. Мурзаев молчит. Петров тихо ругается, когда машину встряхивает на ухабе. Дорога становится все тяжелее, — колеи глубиной в пол-аршина. Потом крутой поворот, и мы едем по степи, еще не успевшей выгореть, покрытой травой, ковылем, яркими дикими маками.

Подъезжаем к Зеравшану. Он бунтует, — в горах дожди... Эти дожди и холодная волна, пришедшая с далекого севера, мучили нас несколько недель. Из-за них мы задержали в колхозе посев хлопка. Зеравшан, обычно узкий,

сейчас катится широкой, желтой мутной лавиной. Он несет в своих струях растворенное золото — лёс. Оседая на полях, лёс прекрасно удобряет почву. Эта белая вода (ак-су), которую в отличие от черной (кара-су) так ждут узбеки. Черная вода, берущая начало из ключей и родников, лишена лёса. Но лёс — не только удобрение, из него строят дома, мечети, крепости, из него изготавливается глиняная посуда, изразцы.

Пытаемся переехать Зеравшан вброд. Вода заликает подножки автомобиля. Мотор фыркает и затихает. Колеса затягивают песок. Мы спешим осушить зажигание, куда попала вода, закрываем магнетом случайно оказавшимся мешком. Колеса буксуют, мотор надрыгается и медленно, медленно мы плывем, словно на пароходе, по течению Зеравшана. Ахунбабаев, как капитан корабля, стоит, вытянувшись во весь свой высокий рост и командует. Зеравшан остается позади.

Наша машина ныряет под Тамерлановскую арку и весело катится по железнодорожному мосту. Шаблонный контраст, но в эту минуту я думаю о полчищах Тамерлана, о его битвах и победах. Многое переменялось. И в пышных мечетях пусто, разве что заглянет любопытствующий турист, и под тенистыми шелковицами не седобородые муллы, а пионерские отряды, и с лунным светом на Регистане соперничает электрический фонарь, и узбеки в злобещих чачванах смело поднимаются по ступенькам автобуса, и радио поет свои песни в базарной, восточной суете, и Зеравшан отошел в другое место, не по Тамерланову мосту, вздыбившемуся, как верблюжий горб, идут бесстрашные полчища косоглазых людей, а по кружевным стальным балкам мчит мощный паровоз аккуратные пульмановские вагоны. Шаблонные сравнения! Шаблонные мысли! Высказаны они много раз. Но когда форд проходит под Тамерлановой аркой, не можешь не почувствовать глубокую гордость и радость, глубокое волнение и удовлетворение...

3

Поля...

Омачи скребут землю. Узбек вскочил босыми ногами на тяжелую доску, вле-

кому-то двумя низкорослыми быками. Доска разбивает последние комья, она выстругивает поле, выравнивает его, как рубанок в опытных руках столяра. Поле становится гладким, как паркет в торжественном зале.

Вдоль нашего пути — упорный, напряженный труд.

Спешка. С посевом опаздывали. Где-то прошел антициклон. Холодная волна добралась до солнечного Узбекистана. Агрономы устраивали консультации, как врачи у постели больного. — Можно ли сеять? Мощные катерпилляры и шустрые фордозы взрывали целину, открывая новые и новые гектары для хлопка. Узбекистан шел в штурм. Он добивался хлопковой независимости. Все силы напряглись, шло великое соревнование между районами, между кишлаками, колхозами и коммунами. Машинно-тракторные станции в сутки перебрасывали тракторы из одного конца республики в другой. На открытых платформах тракторы стояли, как дальнобойные, осадные орудия.

Шла война. Шли бои. Печатались сводки, посылались рапорты и донесения...

Ахунбабаев остановил автомобиль.

Его зоркие глаза приметили странную картину. На маленьком клочке земли вертелось шесть пар быков, запряженных в омахи. Другие быки владели досками, заменяющие бороны. Они мешали друг другу, часто сталкивались, и тогда узбеки галдели, пытались расцепить их, ругали друг друга. Когда подошел Ахунбабаев, они оставили быков. Босой детина с просмоленным лицом, с головой, замотанной тряпками, подошел к нам. Белая рубаха свободно болталась на его плечах. На обнаженной груди отчетливо рисовался треугольник загоревшей кожи. Это председатель колхоза.

Кое-кто присел отдохнуть, другие остановили быков, только упорный старик продолжал боронить землю. На поворотах он ловко соскакивал с доски, орал на быков, поворачивал их, на ходу взбирался на доску, балансировал на ней, щелкал языком.

Выясняется, что перед нами коллективный выезд колхозников на работу. Вместо того, чтобы организовать брига-

ды, распределить равномерно работников по всем полям, они сгрудились на одном участке, только мешая друг другу. Мотивировка небезынтересна: когда все вместе, каждый видит, как работает другой; когда на разных полях, у каждого возникает мысль, что сосед ничего не делает, и он сам прекращает работу. Агроном не приезжал давно. Колхоз предоставлен самому себе. Колхозники явно не понимают, что такое коллективизация. В глазах Ахунбабаева загорается сердитый огонек. Он любит землю, он сам батрак. Он видит, как извращаются элементарные принципы колхозной работы. Он знает, что здесь может сорваться сев хлопка. Уже многие колхозы приступили к севу, а здесь сумятица, непорядок. Как главнокомандующий во время боя, Ахунбабаев принимает на себя командование.

Он сбрасывает макинтош, снимает маляхай. Он берет длинный хлыст и гонит быков. Наметил, как надо работать, разбил на бригады, угнал несколько упряжек на соседние поля, установил порядок. Он сам становится к омачу, чтобы показать, как лучше всего надо работать.

Из кишлака принесли в больших чайниках чай и груды лепешек. Перерыв.

Ахунбабаев вытирает потный лоб, пьет чай и говорит о плугах, о сеяках, о дисковках, о тракторах, о ярмах для быков. До сих пор многие узбеки не умеют запрягать в плуг быков. Их дополнительное ярмо — бревно, прикрепленное к рогам, — не пригодно для этого. Ахунбабаев говорит об украинских ярмах, о коллективизации, о статьях Сталина, о Днепрострое, о Магнитогорске; о пятилетке...

Его слушают.

Речь Ахунбабаева увлекательна, горяча, понятна. У него нет пафоса, но ему не приходится искать слов: они сами бегут одно за другим, простые и убедительные.

4

Ахунбабаев любит землю и машину. Он любит работать. Я его наблюдаю изо дня в день. В коммуне имени Клары Цеткин, в Дагбите, где я работаю вот уже второй месяц, он бывает часто, шагает по полям, намечает направление джояков, говорит, когда надо сеять, сколько раз боронить, где рыть арыки.

Он сам стоит над трактористом, чинящим трактор, сердится, когда мотор не работает, и по-детски хорошо улыбается, когда вдруг смесь взрывается, и из выхлопной трубы появляется дымок. Он влюблен в плуг, в сеялку, в борону, в культиватор, в трактор. Он часами следит за их работой. Для него, батрака-хлопкороба, европейский сельскохозяйственный инвентарь — новые страницы в жизни Узбекистана. Сделать так, чтобы слово техника было достижением каждого узбека — его задача. Ахунбаев прост и доступен. К нему можно притти в любую минуту в его кабинет с дощечкой — «Председатель ЦИК УзССР». Там сидят узбеки, пришедшие со всех концов республики за правдой. Сидят и напряженно слушают о плугах, боронах, тракторах, удобрениях и еще о плугах, боронах, тракторах, удобрениях. Его можно остановить на улице и спросить, пора ли везти на поля пакта-нури (удобрение), сколько времени мочить хлопковые семена перед посевом.

Эти мысли приходят мне в голову во время поездки.

Вдоль дороги разворачиваются колхозные поля. В поту, в труде, в неимоверных усилиях завоёвывают землю дехкане. Победно идет трактор, журчит вода в усовершенствованных шлюзах, работа современных мирабов несложна: поднимать шлюзы и закрывать их. Каждый кубометр воды учтен, ни одна капля воды не пропадает даром.

Совхозные поля бескрайны. Мы часами едем мимо полей Милютинского совхоза.

Город двинулся в степь.

Путь наш — по лагерям, по бивуакам.

Ученики самаркандской семилетки, рабочие бригады, студенты техникума, приехавшие на сев... Палатки, костры, разноцветные майки, трусы — как на пляже. Задорные песни, опаленные весенним, горячим солнцем руки и лица.

У одного такого лагеря мы останавливаемся.

Ахунбаев показывает молодежи, как надо работать.

Два месяца назад, сидя в Москве, в Гнездиновском переулке, мы думали о нашей будущей работе на посевной: драмкружки, стенгазеты, литературные

беседы... Но жизнь сказала: пожалуйста мерить поле. Чему равна площадь треугольника? А чорт его знает, чему она равна! Где ты, классическая гимназия имени Александра I «благословенного»? Куда испарились знания, заионяемые в голову при помощи единиц, наказаний и вечного угнетающего страха? Стенгазеты? — Отправляйтесь за автоматом для оливеровского плуга. Что такое автомат? — Надо знать... Горюха!..

...Тень ползет вокруг форда. Вода струится с легким звоном в бетонированных арыках. Петров дремлет, развалившись на сидении, ноги перекинув через борт автомобиля. Уже около часа рядом с нами на бугорке сидит узбек и пристально, не отрываясь, смотрит на замысловатую машину. Его ишачок пается неподалеку, равнодушный к последнему достижению американской автомобильной техники.

Опять едем... В попутном кишлаке нам машут руками, кричат. Останавливаемся. Мрачный молодой узбек-комсомолец в юнгштурме (лицо у него тоже цвета хаки) стоит у дувала. Узбек в рваном халате сидит на корточках. Третий горячо жестикулирует, бранится, — он член правления колхоза.

Оказывается, комсомолец и его сосед ходили в мечеть и день прогуляли. Им не выдали жетонов. Они требуют жетоны, в противном случае грозят уйти из колхоза.

Брови Ахунбаева сдвигаются.

— Комсомолец?

— Да.

— Ходил в мечеть?

— Да...

Комсомолец молчит. Он смотрит под ноги и тяжело уминает челюсти, так что на щеках возникают и исчезают желваки.

Ахунбаев вдруг бьет меня по спине (я сижу перед ним, рядом с шофером):

— Пиши! Пиши Москву! Пиши газеты! Пиши — комсомолец в мечеть ходил! Позор! Пусть все знают!..

5

А дорога бежит, вьется, то приближаясь к железнодорожному полотну, где мы встречаем задыхающиеся в тя-

желой астме паровозы, преодолевающие высочайший подъем на Среднеазиатской ж. д., то исчезая в степи, — и вот наконец горы, Тамерлановы ущелья, Тамерлановы вершины с сигналами для пролетающих аэропланов. Струятся, заливая дорогу, распухшие от дождей ручьи. Форд с трудом преодолевает препятствия, колеса взмывают горы грязи, буксуют, зарываются все глубже и глубже. Мы стоим. Мурзаев лезет в воду, Ахунбабаев командует, Петров «кроет» воду и грязь, — мы кое-как двигаемся, ползем, а выбравшись на сухое место, снова застреваем. Форд делает чудеса, но и он бастует.

Мы окончательно завязли.

Вокруг величественные скалы. Вьются над нами орел.

Петров мурлычет:

— По морям, по волнам... Говорил я, правее держать, нет, говорит, левее... Вот тебе и левее.

Ахунбабаев привел арбакеша. Машины привязывают к арбе цепями. Две лошади, понатужившись, вытаскивают автомобиль из грязи. Арбакеш вопит, хлещет лошадей камчей. Петров дает газок, иснугажные лошади приобретают необычайную силу. Ахунбабаев снова в роли капитана. Мы выползаем на берег. Мурзаев шагает по воде. У него мокрый до пояса халат, в сапогах хлупает вода, от Мурзаева идет пар: солнце — горячее.

Путь наш тяжел.

В стороне маленькая крепостца.

Высокими дувалами обнесены жилые постройки. Людей не видно. Этот хуторок здесь в горах заставляет работать воображение. Мерещатся нападения, осады, атаки, но живут здесь мирные люди, объединенные в колхоз.

Они дают нам свежую, холодную воду, налитую в громадные кувшины, кислое молоко и спрашивают — не видели ли мы трактора?

Обещали из совхоза трактор, но помешали дожди. Не пройти трактору. Мы успокаиваем их, что трактор пробьется через грязь на своих гусеницах. Колхозники садятся вокруг нас и внимательно слушают о плуге, о бороне, о культиваторе, сеялке и еще раз о плуге, о бороне, о культиваторе, сеялке... Тема эта всегда нова, интересна, захватывающа.

Наконец-то гладкий путь.
За горой — Джизак.

6

В Джизаке проводим не больше часа. Широкие, тенистые улицы Нового Джизака пустынные в этот солнечный, жаркий час. Найти кого-нибудь трудно, и только случайно встречаем мы ранее прибывшего представителя наркомзема УзССР тов. Исаджанова. С ним вместе едем в старый город, где разносятся вопли певцов и звонкий говор, где есть холодный кумыс и терпкий кок-чай... Улицы полны, в чайханах людно и тесно, как на... харьковском вокзале.

Курбан-байрам.

Гремит музыка возле карусели, певцы в чайханах пытаются перекрычать разухабистую «ойру». Бродят разряженные узбеки. На каждом несколько халатов, подпоясанных платками. Они часто останавливаются, чтобы купить леденцов или съесть порцию мороженого. Шустрый продавец соскабливает с снежной глыбы немного снега на металлическую тарелочку, поливает его патокой, ловкими движениями, вращая на ладони тарелочку, смешивает снег с патокой — и мороженое готово. Другой рубит кунжутную халву, от которой потом горят рот и горло. Третий набирает из большого котла белую, густую, как сметана, сладкую мишалду, которую намазывают на куски нонов, четвертый быстро наливает в пиалы кумыс, в значительной степени разбавленный арычной водой, пятый жарит шашлык, крошит лук, раздувает угли, шестой готов угостить жирной шурпой или рассыпчатым пловом... Крошечные девочки ходят, взявшись за руки, их ноги путаются в длинных, пестрых юбках, на них бархатные безрукавки, к бесчисленным косячкам привешены звенящие при ходьбе серебряные украшения. В расположившемся рядом цирке гулко ухает барабан. Заманчивые плакаты обещают тысячу удовольствий: джигитовку на двух лошадях, человека, гнувшего подковы, единственных, неподражаемых клоунов-юмористов и мадам Амалию, посылающую с плаката обворожительные улыбки, специальность которой невыяснена...

В чайханах звенят пиалы.

Нам освобождают место. Праздная толпа обступает нас плотным кольцом. Ахунбабаева знают. То один, то другой подойдет, пожмет руку, обменяется селямом. Ахунбабаева не называют ни по фамилии, ни по имени, никто не скажет ему дружески Юлдаш-ака. У него одно имя «ота» — «отец». Ахунбабаев привычным жестом радушного хозяина ломает ноны.

Только женщин нет в этой пестрой, праздничной, нарядной толпе. Они — там, за высокими дувалами, в таинственной, недостижимой глубине ичкары. Изредка пробежит, словно ящерица, прижимаясь к стенам, торопливая фигура, скрытая паранджой и чачваном, и трудно угадать, девушка ли это 14 лет, или старуха, согнувшаяся под тяжестью многих десятилетий.

Курбан-байрам.

Баи, ишаны делают последнюю ставку. Они пользуются слабой поставленной работой местного отделения союза воинствующих безбожников. Мусульманские муллы в трогательном единении с раввинами и православными священниками решили использовать апрель, чтобы сорвать хлопковый сев. Сначала еврейская пасха, потом русская, сейчас курбан-байрам. Весь апрель — праздники, а надо работать.

Наш отдых недолог...

Мы едем в кишлак Кахраман. Подобно встреченному в пути, он обнесен высокими дувалами. У развесистой шелковицы, с созревающими плодами, небольшой хаус. Жабы оглашают воздух своим отвратительным клёкотом. Старуха без паранджи вынимает из печи только что испеченные лепешки. Наш приезд отвлек ее от работы, ноны горят, обугливаются. Узбеки спешат постелить в вытягивающейся тени одеяла, они предлагают нам подушки, и мы с удовольствием лежим, потягивая утоляющий жажду кок-чай.

Ахунбабаев снова говорит.

Исаджанов в это время рассказывает мне о положении вещей в этом районе. В долине за Джизаком, куда мы приехали, ряд переселенческих (из Ферганы) колхозов: Аргин, Кахраман, Таланкур, Янги-Абат, Майдамият, Берлик, Массабакее... В последние дни здесь произошли неприятные события.

Колхозники хотят бросать работу, уходить в Фергану. Уже сейчас колхозы почти не работают. На поля выходит 20 — 25 проц. колхозников. Сейчас празднуют курбан-байрам. Все двинулись в Джизак на базар, погнали туда колхозных лошадей, чтобы не ходить пешком.

— Тц, тц, тц! Яман! Джиджа-аяман!

Из Аргина в Фергану ушло 90 человек. Янги-Абат сидит без риса, настроение неустойчивое. Посевные планы срываются. Отчасти помогло головоунытие. Переселенцев послали на Яйльму, где «по планам» должно было быть «электро» орошено 700 га. Приехало туда 150 человек. Но там не только «электро», но и вообще никакого орошения не было. Переселенцев перебросили на новое место, а во время перебросок 60 человек уехало в Фергану.

Исаджанов мне поясняет:

— Фергана — рай Узбекистана. Ее иначе не называют, как благословенная Фергана, райская Фергана, голубая Фергана. Уйти из Ферганы — грех. Но земли в Фергане нехватает. Ведь сейчас хлопкороб имеет возможность обрабатывать не крошечный клочок земли в полтанапа, а несколько гектаров. Помощь машинно-тракторных станций привела к значительному увеличению посевных площадей — основное условие, при котором может быть осуществлена хлопковая пятилетка. В Узбекистане много неосвоенных земель, годных под посев хлопка. Ферганцы — лучшие хлопкоробы. Их начали переселять на пустые земли. Уезжали они с родины с печальными думами и стесненным сердцем. Но впереди были бескрайние просторы полей, усовершенствованное жилье, электрическое орошение. Так говорилось. На месте — неизмеримо тяжелая земля-целина, вместо двухэтажных домов (шустрые вербовщики распространили такой слух) — юрты, да и то из Туркменистана сумели получить вместо требующихся 110 юрт только 10. Пришлось семье колхозников разместить в Джизаке, в помещениях раскулаченных баев, выселенных ишанов. Те повели энергичную агитацию среди женщин, встретили благоприятную почву. Недаром Джизак (дизак — ад) самый религиозный город Узбекистана.

«Подкачали» со снабжением—дров нет, леса на постройки нет, рис в 2-3 раза дороже, чем в Фергане.

Исаджанов шопотом добавляет:

— А главное в правлениях колхозов засели бай. Они у нас на мушке...

Время не ждет. Сеять надо. Сотни гектаров, вспаханных тракторами, ждут обработки. Дорог каждый день, каждый час. В эти горячие дни нельзя слушать песни певцов, нельзя кейфовать в чайхане. Бой!.. Штурм!.. И главнокомандующий прибыл на передовые позиции.

Вокруг него взрыв хохота: Ахунбаев агитирует за... кобылу...

Иметь жеребца для узбека — почет. Рождение жеребца — праздник, как рождение сына. Приобрести хорошего жеребца — заветное желание каждого узбека. Когда началась ликвидация байства — бай распродавали за бесценок кровных жеребцов. Полуторатысячный жеребец шел за 150—200 р. Узбеки накупили жеребцов, а теперь выяснилось, что на них нельзя работать. Они в упряжке не ходят, дерутся.

И вот Ахунбаев агитирует за кобылу.

В колхозе живет двадцатипяти тысячник Майданов. Он высок, строен, в столь излюбленных здесь брезентовых сапогах, светлых штанах и белой рубашке. У него крепко отчеканенное лицо, квадратный подбородок. Когда он курит, пальцы его, в которых зажата папироса, дрожат. Пальцы его в постоянном движении. Он постоянно что-нибудь тербит, то застегивает или расстегивает пуговицу, то играет концом кушака. Пока Ахунбаев беседует с узбеками, он ведет меня в свою комнату. Глиняные стены, земляной пол, два одеяла на земле — постель. Рядом сундучок, на сундучке бумаги и чернильница.

Майданов нервничает:

— У нас совершенно не ведется счетоводство... Все приходится делать мне. Расписки, счета пропадают. Деньги расходуют кто сколько хочет. Я подсчитал... У меня... у меня... 400 р. недочета. Я не знаю, где они. Деньги выдаешь в поле. Расписок не берешь. Все равно, вместо подписи палец прикладывают. Пойди проверь. Нет счетовода.

Я советую ему заявить в райпосевком, потребовать ревизию.

Майданов показывает мне книги, где детским почерком выведены какие-то цифры.

— Требуите ревизию...

7

Ахунбаев перекочевывает к юрте агента по переселению Салимбаева.

Я его догоняю в пути.

Он шагает впереди. И странно, мне вспоминается картина Серова — Петр Великий, шагающий по набережной. За Ахунбаевым длинный хвост узбеков, довольных неожиданным зрелищем, а позади — автомобиль. Вперед ускакали шерховые, — вечером созывается совещание правлений колхозов.

Вечереет.

С гор тянет прохладой. Горы стали фиолетовыми, потом пепельно-серыми, как паранджа узбечки, и вдруг исчезли.

У Салимбаева гудит примус, а под котлом, вкопанным в землю, весело горят дрова. В котле рис, баранина, — плов.

Но Ахунбаев не позволяет отдохнуть, живо расставляют громадную палатку, открытую со всех сторон, — точно тент на пароходе. Зажженный фонарь освещает постланный брезент, фигуры приехавших колхозников.

Из-за горы выкатывается оранжевая луна, как бухарская парчевая тюбетейка.

Заседание начинается.

Говорят колхозы:

К о л х о з А р г и н. — Колхозники разбились на 9 бригад. Между ними распределен сельскохозяйственный инвентарь. Приступили к работе. В самый разгар ударник из Самарканда тов. Филле начал проводить учет и организацию труда. Когда его спросили, зачем он записывает выходящих на работу, он ответил, что все колхозники работают сдельно и будут получать за каждый рабочий день. Узбеки возмутились. Они полагали, что являются хозяевами в своем колхозе, а их свели на положение батраков. Батраками можно быть и в Фергане. Многие разбежались, их примеру последовали соседние колхозы. Посевной план сорван. Выполнить его невозможно.

Ф и л л е (он невысок ростом, щупл, очень нервничает, временами заикается). — Начало недовольства породила рабо-

та на богаре. Работа была трудная, и узбеки отказались работать. Когда выяснилась необходимость копать арыки, узбеки категорически отказались, мотивируя это тем, что им обещано пресловутое «электроорошение». Работала по-настоящему только бедняцкая часть колхоза. В правление втерлись баи. Они только и делают, что пьют бузу. Председатель правления колхоза — бывший торговец мясом.

М а й д а н о в (говорит приторно-митинговыми фразами, услужливо заглядывая в глаза Ахунбабаева. В руке тербит листочек с какими-то «тезисами»).—Организовать труд в колхозе надо, иначе «красный сев и победоносное шествие рабочих и крестьян под руководством коммунистической партии к социализму будут сорваны непониманием великих задач генерального плана пятилетки нашего Советского Союза» (в таких витиеватых фразах не всегда выделишь крупинки ценных сведений). На работу в Ургине выходило не больше 40 проц. Работать узбеки не умеют. Изувечили 50 проц. лошадей, испортили с.-х. инвентарь. Аргин должен был начать сев 18 апреля, начали же сеять 24-го, когда, после дождей, земля покрылась непроницаемой коркой.

А б д у к а д ы р И з м а и л о в (председатель ревизионной комиссии Ургина). Он умен, этот маленький человечек с аккуратной бородкой. Он решительно опровергает обвинения в том, что правленцы пьют бузу. Ложь! — Колхоз хочет работать, колхоз ждет помощи со стороны рабочих, но не ту помощь, с какой пришел товарищ Филле.

Я узнаю в правлении Ургина: председатель правления колхоза Турсункулов — бывший мясник. Председатель ревизионной комиссии Абдукадыр Измаилов — бывший извозчик, имел 16 лошадей. Его батраки сейчас в колхозе. Групповод Абдул Кадыр Бадайбаев рассталил в ассажинском «кредитном тве» 15.000 руб. Хорошая компания...

Филле нервничает. Да это и понятно. Парнишка он простой, думается мне, работал искренно и честно. Все мы ошалели от этой организации труда, которую предложили нам проводить внезапно, без всякой подготовки, в самый разгар сева.

Только в коммуне, где я работаю, председателем старый партизан Мамаджан Джабиров, председателем ревизионной комиссии всеузбекский аксакал Ахунбабаев, а здесь — кулачье.

Вдруг Ахунбабаев резко приказывает Филле:

— Сдать дела! Отправиться в Самарканд!

Парень раздавлен. У него слезы на глазах. Мне кажется, что Ахунбабаев неправ.

Резкий порыв ветра прекратил собрание. Палатка свалилась. Потух фонарь. Гудит внезапно налетевший ураган, с гор катятся тяжелые тучи, закрывают луну, и вскоре идет дождь.

Мы прячемся в юрте.

Ахунбабаев на мой вопрос отвечает:

— Ничего... Они думают, мы их не понимаем... А мы их понимаем. Тц... Понимаем.

И он улыбается...

8

Весь следующий день моросит отвратительный дождь. Липкая грязь пристаёт к ботинкам, но мы все же пешком, перескакивая через арыки, скользя и едва не падая, бредем в Ургин.

Несколько юрт раскинулось под горой, словно какие-то странные грибы. Горные холмы подымаются, подобно горбам лежащего верблюда.

Весь день мы сидим в крошечной палатке. Горит костер. Мы греем то спину, то грудь. Жарится шашлык, нанизываемый на остро отточенные палочки.

Нам поет песни председатель колхоза Турсункулов.

У него широкая борода, чувственные, немного вывороченные губы, те томные «с поволокой» глаза, которые тут встречаются так часто. Он поет, изо всех сил выжимая невероятные дискантовые ноты. Перед лицом он вместо бубна держит свою тютетейку. Он поет о побеждающем комсомоле, о героической Красной армии, о доброй советской власти, желающей блага узбекам, о других трудящихся Востока — Сталине...

Баи празднуют победу. Им кажется, что они обманули самого Ахунбабаева. Зарезан баран. Угощение. Кумыс и...

буза, сытная, густая, кисловатая, от которой узбеки хмелеют. Исаджанов вдруг подымает примеченный у юрты маленький чилим, нюхает и удовлетворенно кивает головой: кто-то курил анашу.

Невзрачный человек, приплывшийся сюда по грязи, показывает нам нарисованные на гальке чертежи будущего поселка узбеков. Он тщательно хранил эти чертежи от воды у себя на груди. Мы видим ровные ряды домиков, здание кооператива, красную чайхану, общежития для холостяков, конюшни, амбары... Здесь в этой голой долине должен вырасти культурный поселок. Ахунбабаев вносит свои пожелания. Он чертит свои планы сначала в моем блокноте, потом на земле палочкой. Театр, клуб, амбулатория, баня, (обязательно баня), детские ясли, почта... Все это сильно похоже на мистификацию, но кредиты отпущены, материалы заготавливаются, чертежи прорабатываются и скоро можно приступить к стройке. Остановка за колхозниками. Мечтали о двухэтажных домах, а теперь категорически отказываются от европейских жилищ. В чем дело? Исаджанов уже выяснил. Баям мешает строительство. Они твердо решили уехать в Фергану. Им невыгодно оставаться здесь. Уезжая к Джизаку, они сами у себя по спекулятивным ценам скупил рис, муку, лошадей. На переселении они подработали. Но сейчас одним уходить неудобно — обратят внимание. И вот они подбивают всю массу колхозников. Если будет поселок, если будут дома, — бедноту не сдвинешь с места, вот они и спешат использовать время заминок, неурядиц для своей агитации... Долой дома!.. Долой клуб!..

— ..Велик Советский Союз, и велика мощь его. Красные солдаты очистили советские поля от байства. Слава красным солдатам. Много звезд в небе, но самая яркая на лбу кзыл аскеров, — это поет председатель колхоза (бывший торговец).

Так проходит день.

Ночью спим вповалку в юрте, прикрывшись сырими, засаленными одеялами. В человеческой каше не разобрешь, где ноги, где руки. Если кому-нибудь надо выйти, — он ступает по людям, и те тяжело двигаются во сне.

При первых проблесках рассвета мы встаем.

День будет ясным. За ночь трава покрылась инеем. Холодно, изо рта вырывается пар.

На сегодня назначено собрание колхозников.

Правленцы, уверенные в победе, сами помогают собирать колхозников, разползшихся по всей долине.

Ахунбабаев не ждет.

По его приказу разбирают юрты. На глазах обнажаются деревянные скелеты. Вот убраны и скатаны цыновки, окружающие нижнюю часть юрты, распутаны арканы, переплет которых хитер и искусен. Сняты кошмы, и юрта стоит, как обглоданный скелет с топорщащимися ребрами. Но еще минута, и ребра эти сложены, снят круг, придерживавший их в вершине юрты, и она превратилась в правильную грудку жердей, кошм и канатов (арканов). Юрты колхоза были расположены на большом расстоянии одна от другой. Это привело к ряду неудобств. Сельскохозяйственный инвентарь был разделен по юртам, а так как везти его было далеко, то он часто на сутки и больше оставался в поле. Задача Ахунбабаева — объединить колхозников на время сева в один крепкий кулак. Авторитет его настолько велик, что колхозники не протестуют. Мы присутствуем при великом переселении народов. Юрты быстро возникают в новом месте, и сейчас же вспыхивают очаги, появляются кучи помета, муссора, ребятишки также шлепают по лужам, а собаки грызутся из-за костей, — впечатление такое, будто юрты стояли здесь десятки лет...

Старое правление колхоза преследовало одну цель, — распылить силы колхозников, Ахунбабаев решительно, по-большевистски выправляет положение.

Пока женщины и старики ставят юрты, Ахунбабаев увлекает колхозников за собой в поле. Большая часть из них — в Джизаке на празднике. За ними поскакали верховые. Осталась бедняцкая часть, комсомольцы, партийцы, те, что до последнего дня не оставляли работы. Ими руководит славный парень с добрым, скуластым лицом. (Позже я

узнал, что он был намечен в новые председатели колхоза.) Ахунбабаев первый подает пример: он запрягает жеребца, тот не дает надеть хомут, бьет задом, становится на дыбы, кусается, потом носит седока по полю и, побежденный, наконец запрягается в борму.

Прискакал Майданов. Он докладывает по своей привычке в высокопарных, напыщенных словах:

— Кахраман вышел на работу. Кахраман не изменит делу пролетарской революции. Кахраман зовет товарища Ахунбабаева в гости.

Мертвые поля оживают. Даже те, кто упорно не хотел выходить на работу, кто мечтал о возвращении в «голубую» Фергану, берутся за кетмень.

Ахунбабаев, как французский солдат, заправил полы халата за пояс.

Он командует:

— Бригада, к арыкам... Бригада. на бороны... Бригада, мочить семена!..

Правленцы стоят, смотрят. На то они и правленцы!

Ахунбабаев налетает на них. Одному дал в руки кетмень, другого поставил к дисковке, третьего посадил вместо груза на борону, где пыль и грязь. Правленцы не умеют работать, они привыкли командовать. Они злы, но улыбаются и вынуждены подчиниться. Думают они, наверное: скоро ли пронесет этого беспокойного человека.

В полдень начинается собрание.

Присутствуют человек сто. Палатка предохраняет от солнечных лучей немногих. Колхозники сидят широким кругом. Они слушают и молчат. Раскачать их трудно. Они чего-то ждут. Для них важно выяснить — кто же победит: Ахунбабаев, который вскоре уедет, или правленцы, которые, по их мнению, все же останутся?

Уже намечены новые кандидатуры правленцев. Старое правление обречено. За ним много темных делишек. Но Ахунбабаев не раскрывает своих мыслей. Он понимает настроение узбеков и хочет заставить их самих разоблачить баев и аферистов, примазавшихся к колхозу.

Заседание продолжается два дня.

Два дня Ахунбабаев говорит.

Мне запомнилась его речь о людях,

любящих тень. Лодырь любит лежать в тени, трудолюбивый человек не боится солнца. Такие притчи прекрасно принимаются собранием.

Ахунбабаев говорит о плуге и бороны, о саялке и тракторе, о Днепрострое и пятилетке...

Под конец удалось раскатать.

Заговорили все, один за другим. Посыпались обвинения. Правленцы, чувствуя поражение, сверкают глазами.

Ночь мы проводим в юрте. Спим вповалку. Ночь холодная, мы зябнем до рассвета, с нетерпением ожидая утра, солнца!

Уезжая, мы минуем колхозы.

Работа началась.

Попутные кишлаки зовут в гости, но мы спешим. Поездка наша и так уже затянулась.

В Джизаке остановка. Ахунбабаева пригласили на открытие джизакской райпартконференции.

Здание клуба окружено толпами любопытных, привлеченных духовым оркестром. Гремит туш, — это происходят выборы президиума. Ахунбабаев говорит. И здесь его речь о плугах, о боронах, о саялках. Тут тоже его слушают с напряженным вниманием, потому что плуг, саялка, трактор — это залог хлопковой независимости.

Я выхожу из здания клуба, с трудом пробивая себе дорогу, раньше Ахунбабаева. Вся площадь гудит и волнуется. Весть о приезде всеузбекского аксакала распространилась по городу с необычайной быстротой. Когда он проходит через толпу, ему со всех сторон протягивают прошения, он их сует в карманы, но вскоре ему некуда девать этот бумажный поток. Я прихожу ему на помощь. Когда написаны эти прошения? Кто знал, что в эту минуту появится Ахунбабаев?

Сопровождаемые селянами, мы покидаем Джизак...

9

Ахунбабаев избирает новую дорогу, чтобы миновать разлившиеся ручьи, еще больше угрожающие нашему форду после прошедших дождей.

Мы едем в обход по горам.

Горная дорога великолепна.

Она идет по руслу пересохшего ручья. Часто на горячем песке нежится

полутораметровая змея, ускользящая в камнях при приближении нашей машины. Это сердит Петрова, норовящего разрезать змею пополам. Иногда дорога делает полуаршинный скачок вверх, и тогда мы приволакивает камни, делаем насыпь, по которым автомобиль взбирается наверх. Мы минуем ущелья. Горы поднимаются, обнажая громадные камни, грозящие обвалом.

Темнеет.

У нас возникает мысль отправится на Челек с тем, чтобы вернуться окружным путем через Дагбит.

Мы взбираемся на перевал, за которым, нам кажется, лежит гладкая дорога. Мы хором поем «Интернационал», выражая этим свою радость. Но тропа окончилась, и перед нами волны холмов, покрытых коврами красных, диких маков.

Мы пускаемся на поиски дороги.

Форд то опускается с холмов, то карабкается на них. Временами мы удерживаем его на руках, временами толкаем вперед. Ахунбабаев поднимается на вершины и, как полководец, прикидывает,

куда нам направлять свой путь. Мы неожиданно видим волка. Ахунбабаев стреляет в него из своего винчестера, но волк благополучно скрывается.

Уже при свете фонарей мы оказываемся на совхозной богаре. Мы едем долгие часы, звезды сверкают над нами, а совхозная пшеница все также шелестит у наших колес, все также бесконечны эти необозримые пространства, насчитывающие тысячи гектаров.

Ахунбабаев и Мурзаев дремлют. Петров и я судорожно следим за показателем уровня бензина. Что, если нехватит?

За колышущейся пшеницей мерещатся ямы и провалы.

Но вот мы выезжаем на изумительно ровную дорогу, предназначенную для автомобилей. Провел ее совхоз. Петров повеселел и газует. Несколько минут, и мы в Милютинской.

Будим секретаря совета, ищем ночевку. Уже далеко за полночь. Глаза слипаются. До Самарканда осталось несколько десятков километров.